

В. В.
БИЛИБИН

Избранное

Виктор Викторович Билибин

Я и околоточный надзиратель

«Я познакомился с ним случайно: он явился ко мне с визитом в не совсем принятое для визитов время, надо правду сказать. Мы были, впрочем, взаимно очень любезны: я ему гостеприимно показал даже мою маленькую коллекцию писем и расположение моей квартиры, а он ласково расспрашивал меня о здоровье и фамилиях моих знакомых, заявил, что он очень любит литературу, сам немножко пописывает и рад со мной познакомиться. Мы расстались еще любезнее, и с тех пор он заходил ко мне иногда поболтать за стаканом чая о том, о сем. Мы откровенничаем...»

Виктор Викторович Билибин
Я и околоточный
надзиратель

Я познакомился с ним случайно: он явился ко мне с визитом в не совсем принятое для визитов время, надо правду сказать. Мы были, впрочем, взаимно очень любезны: я ему гостеприимно показал даже мою маленькую коллекцию писем и расположение моей квартиры, а он ласково расспрашивал меня о здоровье и фамилиях моих знакомых, заявил, что он очень любит литературу, сам немножко пописывает и рад со мной познакомиться. Мы расстались еще любезнее, и с тех пор он заходил ко мне иногда поболтать за стаканом чая о том, о сем. Мы откровенничаем.

– А знаете, – говорил он мне однажды, подливая ром в чай, – знаете, говоря откровенно, по душе, я так называемую юмористическую литературу не одобряю... Помилуйте: к чему? Ведь соблазн! Для публики соблазн!

– Да полноте, Станислав Иванович! – возразил я. – Какой же соблазн? Какие у нас и темы возможны! Сами ведь читаете. Совсем ведь уж безобидные. Теща, кассир, интендант... Даже самим и досадно, и грустно...

– Читаю-с, читаю и не одобряю... Вот вы изволите говорить «теща». Во-первых, теща мо-

жет быть очень честной женщиной, а во-вторых, вы подрываете этими насмешками семейную жизнь, институт брака. Другой бы и женился, да боится теперь тещи. И стыдно ему: знакомые с улыбочкой будут спрашивать о здоровье тещи. А все вы виноваты, юмористы. Вред делаете. Теперь вы говорите «интендант». Да ведь вы возьмите то во внимание, что интенданты суть правительственные чиновники, удостоены, значит, вообще доверия начальства. Вы против начальства, выходите, пишете.

– Да ведь воруют.

– Их и казнят. Но смеяться нельзя-с, подрываете... Или опять «кассир». Да ведь вы, нападая на кассиров, на собственность нападаете.

– Это еще как?

– Конечно-с. Другой бы стал копить деньги, движимость, в банк положил бы, а теперь боится, расточает.

– Да мы-то чем виноваты, что они воруют?

– Раздуваете, нехорошо-с. Нет, я не одобряю. Да вы и вообще без уважения пишете. Нередко читаешь критику и карикатуры даже на генералов. Возможно ли это? Вы с отри-

данием и насмешкою обо всем толкуете... Я, знаете ли, говоря откровенно, я бы юмористическую литературу того, похерил бы... Не время смеяться... Там, за границей, другое дело-с, там давно неверие. А у нас народ благочестив и всегда всем сердцем готов, а вы портите. Верно я вам говорю. Не в русских нравах смех. Русский молитву любит. Вот в таком духе и пишите. О доблестях пишите, военных и гражданских, внушайте печатным словом страх и повиновение, любовь к отчизне, о необходимости военной службы и об умеренности в спиртных напитках также... Ну, наконец, я понимаю, для более образованных читателей возможны разные этакие любовные описания, этакие романы... Отчего нет? Развлечение для усталого от службы духа, и ежели талантливо написана вещь, то даже способствует, склоняя к брачной жизни, увеличению народонаселения, следовательно, государственных доходов...

– Вы, конечно, сами пишете? – перебил я. Он покраснел и стыдливо сказал:

- Стихи-с... В свободное от занятий время...
- У вас при себе? Покажите, любопытно...

– При себе-с... – И он стыдливо вынул из бокового кармана розовую тетрадку. – Вначале мои первые опыты стихотворства и поэзии... Я переложил в стихотворную форму всех домовладельцев города Санкт-Петербурга... Далее, вот это стихотворение более лирического свойства: я взял мысли дворника, страдающего зубною болью, но принужденного дежурить ночью... Ведь надо же и их пожалеть... Другой раз дашь в зубы, а самому жалко... Служба... Вот это-с небольшая ода в честь частного пристава, вроде Державина... Нет, нет, тех не читайте... Вроде как у Пушкина... Вот я все хотел спросить вас, – робко прибавил он, помолчав, – нельзя ли некоторые тиснуть?

– Где? В «Осколках»? Да ведь вы сами...

– Дух журнала подняли бы...

– Нет, стихи прелестны, звучны, но не подходят к программе...

Он самодовольно улыбнулся и стал пить чай.